

Кроме этого, необходимо развивать инфраструктуру района, в частности, построить в гг. Сысерть и Полевской гостиницы, а также создать на территории района туристские кемпинги. В настоящее время в Сысерти намечается трансформация бывшего санатория «Урал» в гостиницу. Желательно поддержать эту инициативу.

Кроме этого, на территории парка планируется прокладка экологических троп, проведение экологических экскурсий и летних экологических лагерей для школьников

Полевской район предполагается сделать местом проведения культурно-познавательных экскурсий, а Сысертский район — местом рекреации и развития экологического туризма.

В. И. Рябухина,

*Свердловская областная универсальная научная библиотека
им. В. Г. Белинского (Екатеринбург)*

Верхотурский край: По страницам путевых очерков Д. Н. Мамина-Сибиряка «От Урала до Москвы», писем «С Урала» и заметок «По Зауралью»

Публицистический жанр путевых очерков, писем, заметок, документированных рассказов характерен для начала творческой деятельности уральского писателя. В это время он постоянно жил на Урале и пополнял копилку жизненных наблюдений. Они наслаивались еще в висимском детстве, отпечатывались в памяти во время поездок и походов молодого человека, откладывались при встречах с интересовавшими его людьми. Жгучие проблемы пореформенной ломки на заводском Урале были для писателя правдой жизни. Достоверность ее изображения требовала знания существа дела, следовательно, нельзя было ограничиться внешними наблюдениями, следовало брать за документы, факты, цифры, исторические экскурсы и сверку суждений живущих в этой среде людей или причастных к ней.

Верхогурский край — громадное пространство Пермской губернии. Край огромных просторов известен богатством недр, угольями, красивейшей природой. На территории Верхотурья

размещались Нижнетагильский, Богословский, Алапаевский, Гороблагодатский горные округа с десятками металлообрабатывающих производств, рудников, приисков. В заводских поселках, селах, старательских временках жила сильная, вольнолюбивая, но бесправная и подневольная рабочая сила.

Мамин-Сибиряк и сам родился в том краю, и жил несколько лет в поселке Висимо-Шайтанского завода, «в далекой глуши Уральских гор». Здесь, где «сохранилась во всей своей неприкосновенности суровая красота дремучего средневекового леса, где в такой величавой панораме разворачивались удивительные картины гор, равнин и скал, где, наконец, самое население, образ его жизни, историческое прошлое, нравы, условия труда — все было преисполнено такой оригинальной и своеобразной поэзии» (1). В нем и самом, по воспоминаниям друзей, было что-то «от мглистых зеленых лесов и белорадостных березок, от горных вершин и угрюмых скал, от уральского камня, от бурных горных речек» (2).

Однако, умиротворенной уральской природе нельзя доверять. Часто «веет страшный северо-восточный ветер со своими неизменными сюрпризами — холодом, снегом, дождем. Старики-раскольники про этот ветер говорят, что подуло с “табашной стороны”, т. е. из Верхотурья, где жили первые уральские бритоусы, табашники и вообще скобленные рыла» (3), видимо, имея в виду переселенческую вольницу.

Лирические отступления с пейзажными картинками то и дело встречаются в очерках. Будто это своеобразная авторская передышка в ходе рассуждений по тяжелейшим социально-экономическим вопросам. Кризис уральского горнозаводского хозяйства рассматривается на примере знакомых демидовских заводов в Нижнем Тагиле, Кушве, Нижней Салде.

Возникновение рудознатского дела известно Мамину по историческим источникам. Он упоминает первый Ницинский завод Верхотурского уезда, основанный в 1630 г., первые кустарные железные промыслы «каких-то верхотурских мужиков», верхотурского воеводу Дмитрия Протасова, доставившего Петру I образцы магнитной руды. Не может не заметить и того, что «из коренных уральцев крупной величиной является только

основатель Богословских заводов Максим Походяшин, бывший верхотурский ямщик, личность почти легендарная» (4).

Но более всего ему знакомы демидовские заводы, где он жил, где много слышал об их владельцах. Не отрицая энергию и трудовую самозабвенность начальных представителей клана, он все-таки отмечает эти черты как-то вскользь, спеша, и торопится перейти к характеристике вырождающегося рода, а, главное, замечает утерю деловой хватки последних Демидовых. По его мнению, кризис горнозаводского дела в Нижнетагильском, Нижнесалдинском, Висимо-Шайтанском, Кушвинском заводах напрямую связан с деградацией потомков заводчиков и полной бесконтрольностью со стороны правительства. Демидовы ему антипатичны, потому что наживали свои капиталы за счет беспощадно-губительного использования подневольного труда до 1861 г. и жестокого обмана при выделении земельных наделов мастеровым и приписным крестьянам после реформы. Из-за нерасторопности при переводе железного производства на новый технологический процесс с использованием каменного угля вместо древесного варварски уничтожаются лесные дачи, в том числе Верхотурские. Сохраняется высокая стоимость железа, которое, к тому же, неумело продается. Увеличивается доля привозного товара, утекают за рубеж капиталы.

Передоверив все практические дела деспотичной наемной администрации, владельцы устранились от контроля за многомиллионным имением. Им нужны только дивиденды, и нет никакого дела до того, что мелкие заводские служащие, мастера и сельское население «жилы тянули и сколько слез из-за них пролито». Барское, сибаритское отношение к своим подданным во время нечастых приездов еще сохранялось в памяти очевидцев. Ждали, не поможет ли барин простой челяди в новом, «вольном» положении, что скажет своим служакам, хранившим его добро. А тот обругает всех ворами и мошенниками и умчит на охоту. Помнили и висимские старожилы, как на встречавшую молодого Демидова с хлебом-солью трехтысячную толпу был брошен хмурый взгляд лощеного хозяина-флорентийца и оставлены у конторы загнанные лошади (5).

Не может не вызвать писательского гнева мошенническая практика укрытия налогов, предназначавшихся Верхотурскому

земству. «Если было бы все во власти заводууправителя, то он устроил бы все так, чтобы и тень налогов не смущала бы покойного сна его патрона» (6). Демидовские ставленники вели непрерывную борьбу с Верхотурским земством по поводу налоговых сборов на социальные нужды. Отчисления в бюджет земства при доходах в два раза выше, чем стоимость имущества всех уездных крестьян, были равны с обеих сторон. Значит, половина сумм с прибылей демидовских заводов не платилась вовсе. «А что же земство не требовало? — удивляется писатель в беседе с попутчиком-земцем. — Да потому, что сила солому ломит, и выше лба уши не растут, — разъясняет последний. Управа в Верхотурье, а гласные земской думы в большинстве живут в Тагиле, большинство их — демидовские служащие. Вот они и гнут в его сторону. Настаивать — опасно. Вот и не досчитались целых десяти тысяч годовых» (7).

Скептически относится писатель и к так называемой благотворительности Демидовых, анализируя состояние образования, медицинской помощи и поддержки неимущих в Верхотурском уезде. Отменены пособия увечным и больным, закрыты богадельни для престарелых, убежище для детей, родильный дом. Реальное училище в Нижнем Тагиле, Анатольевское женское училище владчат жалкое существование. Даже в самих заводах для детей мастеровых земство вынуждено было создать четыре школы. Да, сотни тысяч рублей тратятся богачами на поддержку университетов и западноевропейских учреждений, а Верхотурское земство вместо Демидова содержит школы, хотя в уставной грамоте записано, что церкви, госпитали и школы находятся на усмотрении владельцев. В то время, как Демидов разыгрывал роль мецената в Италии, главной конторой его заводов спущено распоряжение такого содержания: «... Во все заводские конторы неведомо с какого повеления набрано обывательских и разного чину детей для письменной науки и обучаются на господской бумаге, и оттого оной происходит напрасная трата, а их благородиям господам-дворянам Демидовым убыток. Того ради определено, чтобы все конторы имели бумаге расход с крайним бережением, а обывательских и прочих чинов детей отослать и впредь не содержать» (8). «50-тысячное население, доставлявшее Демидову многомиллионные доходы, ничем не пользовалось от него

это факт» (9). Возможно, сокрушается очеркист, и медицине ничего не перепадет от Демидовых, все тяготы лягут на земство.

Благородной миссии Верхотурского земства, его блестящим результатам на поприще образования писатель с удовольствием отводит несколько страниц своего обзора. Вынужденное оперировать мизерным бюджетом на огромном пространстве, «за 10 лет оно открыло свыше 50 начальных училищ» для 4,5 тысяч поселковых и сельских ребятишек. Пусть это было 15–16 % от общего числа детей, своих школьных зданий почти не было, учителей не хватало. «Все-таки это были не единичные дореформенные школы, которые едва влачили существование под присмотром учителей из никуда не годных заводских служащих или заводских священников». Верхотурское земство открыло широкий доступ в свои школы женщинам-учительницам. Не раз поднимался вопрос о преобразовании захиревшего демидовского реального училища. Родилось намерение о передаче церковно-приходских школ в земские. «...Даже если бы Верхотурское земство ровно ничего больше не сделало, и тогда оно имело бы полное право на признательность и сочувствие не только всего местного населения, но каждого образованного человека, которому дороги истинные интересы народного просвещения» (8). А оно открывало еще библиотеки, больницы, строило дороги, проводило сельскохозяйственные и иные курсы, сооружало сиротские приюты.

Похвальным словом высказался Мамин в адрес бескорыстных земцев Верхотурья: первого председателя земской управы В. Д. Белова, «корифея народной педагогики» Н. Ф. Бунакова.

Отдельный разговор о развитии профессионального образования. И оно находится в прямой зависимости от экономического состояния края. Нижнетагильское горнозаводское училище, преобразованное из школы, оставалось частным заведением Демидовых и обеспечивало заводы округа техническими кадрами. Десяти тысяч с небольшим хозяйских рублей явно не хватало для его содержания, и приходилось добавлять к ним прибыль от продажи ученических поделок. Не доставало учебных пособий, мастерских, оборудования. У покровителя наук и искусств не нашла поддержки и исчезла фактически из-за

недостатка средств, рекой лившихся за границу, живописная школа. Это при том, что дети мастеровых, которые могли бы там учиться, замечает писатель, поражают своей смышленостью, развитием и известным художественным вкусом (11).

Демидовым не нужны были специалисты? Не может быть. Как-то во времена одного из самых заботливых из них — Николая Никитича — была предпринята попытка отправить за границу 15 детей заводских служащих для усовершенствования в деле. Дети обучались в лучших заводах, жили в хороших семьях. Возвратившись через 15 лет на родину, молодые европейцы вместе с привезенными женами снова попали в крепостную зависимость, а, главное, «в ежовые рукавицы домо-рошенных управляющих». Дело кончилось тем, что большинство «заграничных» сошли с ума, спились или быстро закончили жизнь. Оставшиеся, «щеголя в старомодных европейских костюмах в среде дикого произвола и ничем не сдерживаемого насилия, служили посмешищем местной публики» (12).

Темой, интересовавшей Мамина-Сибиряка и имевшей отношение к верхотурским местам, долгое время оставалась добыча драгоценных металлов. Великая сила золота дала «себя чувствовать именно у нас на Урале. Около этой притягательной силы сложилась баснословная жизнь» (13). Первые платиновые самородки — их называли тоже золотом, только белым — первым в России представил на московской мануфактурной выставке П. П. Демидов. Именно в этой промышленности процветали хищнические устремления владельцев и перекупщиков. Там рождались невообразимые коллизии — основа сюжетов маминских романов, пьес, рассказов. Очерки «От Урала до Москвы» (их автор помещает в серии фельетонов) и продолжающие их письма «С Урала», заметки «По Зауралью» — это наброски, основа для будущей художественной прозы.

Золото-платиновые прииски находились в Гороблагодатском, Богословском округах, в даче Нижнетагильских заводов Верхотурского уезда. Добыча платины хорошо шла в висимской стороне, т. е. недалеко от мест, многократно исхоженных в юности. На виду у всех разом обогащались те, кому повезло, и моментально разорялись упускавшие золотую жилу. Спускались в пьяном угаре целые состояния, на руках носили вчерашнего лапотника.

Там задыхались от просева золотоносного песка женщины-грохотальщицы, и получали увечья в ископанных отвалах их мужья и отцы. Мамин проводит подсчеты стоимости добываемого металла, — а его добыто только в Висиме сотни пудов, доходов, получаемых государством, владельцами, золотоискателями, дельцами-спекулянтами. Логика рассуждений и статистических доказательств приводит его к выводам, противоположным современной экономической и технической политике правительства, предложениям по ее изменению.

Свободно оперируя цифрами, Мамин никогда не забывает, что он прежде всего беллетрист. Как только читателя начинает утомлять публицистический накал рассуждений или финансовая арифметика, писатель берет в руки художественную палитру. И тогда возникает живописная картина прииска с разбросанными старательскими балаганами и кургузыми таратайками, песочными перебивками, льющимися струями из прудков и речушек, фигурами шурфовиков и отвальщиков. Вместе с автором мы ощущаем теплоту летнего вечера, когда завернут на огонек костра старателей уставшие охотники, и пойдет раздумчивый разговор о житье-бытье какого-нибудь Мирона. Здесь и снесь, и чарка, и женский смех, и ребячий плач, и разгульная песня. Места, по которым бродит Мамин и его спутник — деревни Захарова, Варламира, Авроринский прииск, родная Висимка. Но вдруг приисковый ландшафт отодвигается, и всплывают воспоминания о разбежавшихся на взлобке прозрачных ключиках и звончатых ручейках, чудном горном воздухе, напоенном ароматом трав и цветов, и шепоте столетнего леса (14).

Природа щедро одарила недра родного Мамину края не только золотоносными гнездами. «Сапфиры встречаются в золотых россыпях Верхотурского уезда, аметисты в Мурзинской слободе близ деревни Липовой. Алмазы найдены в Гороблагодатском казенном округе, на речке Кушайке, а в самое последнее время алмазы стали попадаться в Верхотурском уезде, в окрестностях деревни Колтыши». А каковы аметисты! «...Большие ростом-то, и все как один, цвет в цвет, точно вишенье, даже иссиза будет. Прежде аметисту такого не было...», — сообщает Иван — поставщик «камешков» (15). Надо сказать, что сам писатель коллекционировал самоцветы и знал в них толк. Сокровища

Мурзинки блестяще описаны им в очерке «Самоцветы». О тагильском малахите сказано немного: когда-то его добывали глыбами, дробили и продавали кусками. Теперь же редким стал зеленый красавец — на 70 саженой в глубину ушел.

Колоритные образы встреченных Маминым героев очерков и писем — обитателей верхотурских мест — то и дело вплетаются в ткань повествования. Вот пробирается в вагон «толстый красный господин Б* в круглой шапочке», бывлой банкрот, а теперь «влезая-щий в миллион» золотопромышленник, за которым «прислуга как за кладом каким ходит» — под Кушвой такое золото идет, по пуду в неделю намывает... Напротив него старик, прежде гремевший на целую губернию. У него ничего не осталось, все прахом пошло. Нельзя не запомнить совершенно гротесковую «свинью» Ипата Евсеича Пудовикова, у которого бывший ис-правник, раньше таскавший его за бороду по улице, теперь на посылках: «...Ни перед чем не остановится. Жену убил, старика отца по миру пустил, а другой рукой жертвует на построение храмов, участвует в благотворительных комитетах» (16).

Гоголевские типы малороссийского переселенца Хомя Чапана, его хмельного кума, дородной невестки Ганны и гулевой дочери Лукерцы встретил писатель в деревне Захаровой. Здесь они спасаются от голода старательским промыслом платины. Если повезет или слегка приворуют, то накопят и на избенку. На примере этого семейного объединения писатель доказывает государственную выгоду артельного способа добычи металла (17).

Любовно обращается исследователь уральской жизни к своему земляку Василию Ивановичу, спутнику по охоте и знатоку края, воплощающему особый тип уральцев-самородков, которые «получают образование самоуком и удивляют своей смышленностью на любой службе» (18). Еще более меткие выражения найдены для обозначения особого типа тагильского заводского рабочего. Автор явно любит, глядя «на эти мускулистые руки, крепчайшие затылки и рослые, полные силы фигуры — так и дышит силой от этих молодцов, хоть сейчас в гвардию» (19). Или: «Нужно видеть этого мастерового в огненной работе, когда он, как игрушку, перебрасывает двадцатипудовый рельс с одного вала на другой или начинает поворачивать тяжелую крицу под обжимочным молотом: только рядом поколений, прошедших

через огненную работу, можно объяснить эту силу и необыкновенную ловкость каждого движения». А работа такова, «что в пятнадцать-двадцать лет вытянется какой угодно рабочий до того, что часто от человека остается одна тень» (20).

Пробивавшийся в столичные газетные репортеры Мамин 21 августа 1875 г. написал письмо отцу с просьбой накапливать интересные факты из раскольниковьей жизни и подобрать документы, которые пришли к нему из раскольниковьих рук. Мы не знаем, передал ли служитель православной церкви такие материалы, но известно, что столь интересная страница из истории Урала надолго захватила внимание его сына, бывшего семинариста. В 6-й и 7-й путевых заметках с любовью «вылеплены» фигуры трех гордых, непокорных кержачек, тоже знакомых автору с детства. В его представлении они воплотили «целое народное мирозерцание, купленное потом и кровью тысяч страдальцев» (21). Такова начетчица Василиса Авдеевна, та, что попила, т. е. исправляла должность раскольниковьего попа: крестила, хоронила, благословляла: «Одетая в кубовый косоклинный сарафан, в темный, сильно надвинутый на глаза платок с распущенными на спине двумя концами, начетчица выглядела скорее полководцем, чем старой раскольниковьей девкой. Эта массивная, атлетически сложенная фигура, с грубым, но красивым лицом и глядевшим насквозь ласковым и мягким взглядом небольших темно-карих глаз, служила живым олицетворением нравственной силы, уверенности в себе и сознания какого-то превосходства. Это сознание просвечивало в каждом движении и тоне ее голоса, в медленном взгляде, в каждой складке ее платья. В ней все было пригнано одно к одному, ничего не было лишнего. И говорила она совершенно особенным образом — мягко, складно, с особыми певучими нотами, которые придавали самым обыкновенным словам смысл, оттенок и значение. Все, что ни делала Василиса Авдеевна, выходило у нее просто и естественно, без всякой натяжки или желания показать себя. ... Она и на соловой лошадке сидела в высоком пастушьем седле по-мужски, с шиком настоящего наездника» (22). По жизни рядом с ней идет глухонемая единовверка Платонида, понимающая хозяйку по движению глаз. Замечательно нарисован образ бескомпромиссной матушки-наставницы Авдотьи Степановны, одетой по обычаю с гаринной

русской барыни, красивой даже в старости и готовой до конца защищать жесткие старообрядческие устои (23).

Характерные сцены, характерные лица. А вот природная обитель, которая приютила бежавших сюда хранителей старинного благочестия: «Под ногами у нас расстилалось широкое озеро с зелеными островами и большим селением в дальнем конце; кругом озера семьей теснились горы, они волнистой линией тонули в синеватой дымке горизонта. Несколько приисков, там и сям, желтыми пятнами выделялись на зеленом просторе раскинувшихся гор; бойкие горные речки блестели серебряными нитями среди густой зелени сибирского леса. Кой-где синеватым столбом поднимался дым: это стоянка старателей или привал охотников. В глубине синего неба торопливо бежали последние тучки недавнего ненастья; за нами, по зелени бесконечного леса, тянулись длинные тени. Вся земля тихонько курилась под животворящими лучами июньского солнца» (24).

Остается сказать, что путевые заметки Мамина-Сибиряка «От Урала до Москвы» были впервые опубликованы в 14 номерах петербургской газеты «Русские ведомости» в 1881—1882 гг. Напечатанные в 18 номерах «Новостей» за 1885 г. письма «С Урала» тесно связаны с очерками и манерой изложения, и постановкой сложнейших вопросов пореформенной жизни Урала. Судя по общественным откликам на публикации этих материалов, уральский художник слова выполнил свое намерение «бросить искру света в окружающую тьму» (25). Не имея возможности приехать из Петербурга на родину, он признавался: «Когда мне делается грустно, я уношусь мыслью в родные уральские горы, мне начинает казаться, что и небо там выше, и ясней, и люди там такие добрые, и сам я делаюсь лучше...» (26). Сохранились воспоминания о том, что в молодые годы писатель подумывал о подаче заявки на разработку какого-нибудь золотоносного местечка. Золотопромышленник не состоялся, но удачливый старатель все-таки нашел пусть другую, но тоже «золотую жилу» — в отечественной литературе. Стоит сравнить его и с мастером-гранильщиком, заставившим всеми гранями заиграть самоцветные уральские характеры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мамин-Сибиряк, Д. Н. Собр. соч.: В 8 т. / Д. Н. Мамин-Сибиряк — М., 1955 — Т. 8. — С. 363–364.
2. Елпатьевский, С. Я. Дмигрий Наркисович Мамин-Сибиряк / С. Я. Елпатьевский // Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. — Свердловск, 1962. — С. 200
3. Мамин-Сибиряк, Д. Н. С Урала: Письма / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Урал — 1967. — № 8. — С. 142.
4. Мамин-Сибиряк, Д. Н. По Зауралью: Путевые заметки / Д. Н. Мамин-Сибиряк. — Южный Урал. — 1952. — № 8–9. — С. 54
5. Мамин-Сибиряк, Д. Н. Собр. соч.: В 8 т. / Д. Н. Мамин-Сибиряк. — М., 1955 — С. 408–410.
6. Там же. — С. 283
7. Там же. — С. 286–287.
8. Там же. — С. 275.
9. Там же. — С. 413.
10. Там же. — С. 287–289.
11. Там же. — С. 275, 290.
12. Там же. — С. 295–296.
13. Там же. — С. 144.
14. Там же. — С. 571.
15. Там же. — С. 157–158.
16. Там же. — С. 251, 335–340
17. Там же. — С. 299–314
18. Мамин-Сибиряк, Д. Н. С Урала: Письма / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Урал — 1967. — № 8. — С. 150
19. Мамин-Сибиряк, Д. Н. Собр. соч.: В 8 т. / Д. Н. Мамин-Сибиряк — М., 1955 — Т. 8 — С. 282.
20. Там же. — С. 292–293.
21. Там же. — С. 315
22. Там же. — С. 316, 318.
23. Там же. — С. 324–334
24. Там же. — С. 319
25. Мамин-Сибиряк, Д. Н. Письмо к матери А. С. Маминой 6 окт. 1881 г. / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Мамин-Сибиряк, Д. Н. Собр. соч.: В 10 т. — М., 1958 — Т. 10 — С. 347
26. Мамин-Сибиряк, Д. Н. Собр. соч.: В 8 т. / Д. Н. Мамин-Сибиряк — М., 1955 — Т. 8 — С. 571